

**Международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы истории России: научные
исследования и образовательные практики»**

УДК 94(470+571)

О.В. МОРОВА
(Орехово-Зуево)

**ПОЛЬСКИЕ МЯТЕЖНИКИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ АРЕСТАНТСКОЙ РОТЕ:
НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТ ИСПРАВЛЕНИЯ**

Статья посвящена вопросу содержания польских повстанцев во Владимирской арестантской роте гражданского ведомства в 1863–1865 гг. Описаны условия их пребывания в роте, проблемы привлечения на внутренние и внешние работы. На материалах использованных источников сделан вывод о невозможности достижения цели наказания данного вида – исправления арестантов и о последствиях «либерального заигрывания» властей с поляками.

Ключевые слова: система исполнения наказаний, военно-судебная комиссия, польские мятежники, арестантская рота гражданского ведомства, внешние и внутренние работы.

OLGA MOROVA
(Orekhovo-Zuyevo)

**THE POLISH INSURGENTS IN THE VLADIMIR PRISON COMPANY:
UNSUCCESSFUL EXPERIENCE**

The article deals with the issue of the Polish insurgents detention in the Vladimir prison company of the civil department in 1863–1865. The conditions of their stay in the company, the problems of involving them into internal and external work are described. Based on the materials of the sources used, it is concluded that it was impossible to achieve the goal of this type of punishment – the correction of those prisoners, and the consequences of the authorities' "liberal flirtation" with the Poles are shown.

Key words: penitentiary system, military judicial commission, the Polish insurgents, prison company of civil department, external and internal work.

Январское восстание 1863 г. постоянно находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, т. к. является важной частью «рокового вопроса» – российско-польских отношений в многообразии их проявлений и в генезисе. Изучаются архивные источники, причины, сюжеты и события, личности, итоги и последствия восстания. Одной из линий исследования является реакция российских властей на польские события и сложившаяся практика наказания участников восстания как часть борьбы с политической преступностью.

Пленным полякам, принимавшим участие в мятеже и осуждённым военно-полевыми судами, назначались такие наказания, как лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу на заводы или в Сибирь на поселение. Другим по степени участия выносили тюремное заключение, работный дом или выдворение во внутренние губернии России.

В короткий промежуток времени в стране потребовалось подвергнуть суду и наказанию значительное число польских мятежников, обеспечить их транспортировку и содержание под стражей. Это стало новым вызовом для центральной власти и администраций Псковской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимирской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Казанской и других губерний империи, не имевшим опыта содержания в изоляции массы политических преступников.

В целом практике исполнения наказаний в России, как отмечает исследователь С.А. Мулина, в первой половине XIX в. были характерны негативные явления: плохая организация «ссылного дела», ведомственная неразбериха, недостаток финансирования, неэффективность полицейского надзора и отсутствие исправительного эффекта [8].

Именно на исправительный эффект наказания при строгой изоляции политических от внешнего мира возлагало надежды российское правосудие. Одним из родов исправительных наказаний были арестантские роты.

Идея создания арестантских рот родилась из попыток найти решение проблем, сложившихся на стыке исполнения наказаний и интересов локальных территорий. Так, чиновники Сибири жаловались на плохое содержание ссыльных в силу их большого количества. Местным властям не хватало средств и рабочей силы для благоустройства территорий.

Первые арестантские роты были сформированы ещё в 1827 г. в Новгороде и Пскове, постепенно практика их создания распространялась по другим губерниям. Роты попали в распоряжение строительных комитетов городов, труд арестантов использовался на ремонте и строительстве городских зданий, дорог, улиц. Министерство внутренних дел даже рекомендовало заменить ссылку в Сибирь арестантскими ротами. Такая практика давала дешёвый способ благоустройства городов, снижение государственных расходов на этапирование арестантов и снижение финансовой нагрузки с губернских городов [7].

Во Владимире в 1838 г. на базе работного дома была сформирована арестантская рота гражданского ведомства с целями создать условия для исправления оступившегося и помочь встать на путь благоразумной жизни путём созидательного труда на благо общества [9, 10]. Однако в отношении особой категории заключённых – польских мятежников, система исправления не сработала.

История польских повстанцев во Владимире началась 5 ноября 1863 г. (*здесь и далее – по старому стилю*), когда в губернском городе была создана Военно-судебная комиссия для суда над польскими мятежниками [5, Л. 1].

Начальник Псковской губернии уведомил владимирского военного губернатора о том, что к отправлению во Владимир назначены 135 пленных мятежников из Царства Польского, и 11 ноября 1863 г. из Пскова во Владимир прибыла первая партия мятежников: 135 человек, 28 из которых были привилегированного сословия [Там же].

Постепенно прибывали новые партии, и к концу декабря 1863 г. поступили 623 повстанца (возраст – от 12 лет!) [6]. Все они прошли перед судом за несколько месяцев работы военно-судебной комиссии. По приговору одни отправились в Сибирь, другие – в арестантские роты Владимира, Нижнего Новгорода, Вятки, Саратова, Симбирска и других городов на сроки от 1 до 5 лет [2].

Владимирский губернатор получил из Департамента полиции Министерства внутренних дел секретный циркуляр, утверждённый императором, с описанием общих правил содержания польских мятежников в арестантских ротах гражданского ведомства. Первый пункт устанавливал обязанность губернаторов строго следить за порядком содержания арестантов и «устранять всякую возможность к обнаружению ими вредного влияния на местных жителей. Исправительные функции должны сочетаться с рациональным расчётом: арестантов назначать на такие работы, которые окупали бы их содержание, а если денег недостаточно – относить их за счёт казны Царства Польского [3, Лл. 2, 2 об].

Преступников следовало делить на 2 категории: первая – не очень крепкого здоровья, но имеют некоторое образование. Им предполагалось приискивать сообразные занятия. Вторая категория – крепкого физического сложения, не получивших образования. Их можно было отправлять на внешние работы.

Было разрешено польским арестантам не брить головы и не заковывать их в кандалы. Требовалось обращать внимание на состояние их здоровья и «постоянно занимать лиц обеих категорий полезными работами, чтобы они не оставались праздными и приносили пользу» [Там же, Лл. 2, 3]

Особо оговаривались в циркуляре условия привлечения польских арестантов на городские работы: «не наряжать политических преступников на мелкие в частных домах работы, посылать

их под усиленным конвоем только на общественные городские не более 50 человек в партии под усиленным конвоем, чтобы было удобно наблюдать, не входят ли они в разговоры с людьми посторонними» [3, Л. 3]. Виды внешних работ для польских и российских арестантов были общими, как показывают данные табл.

Таблица

Внешние работы, на которые привлекались заключенные Владимирской арестантской роты [Там же, Лл. 7-7 об]

Политические преступники	Русские арестанты
В зимнее время	
Расчистка снега у корпуса присутственных мест, на дворе и у дома губернатора, на дворе тюремного замка и других общественных мест	Расчистка снега у детского приюта, выравнивание по главной улице сугробов и ухабов, расчистка и усыпание песком тротуаров
С весны	
Устройство дамбы от реки Клязьмы по пойме к пескам.	Выравнивание оврага, отделяющего город от солдатской слободы, устройство съезда от Ивановского моста за Лыбедь, сделать сообщение Троицкой слободы с базаром.

Все расчёты по содержанию польских преступников шли между казнами империи и Царства Польского через министерство финансов. Именно туда направлялись сведения об издержках на содержание польских арестантов.

Переписка владимирского городского головы с начальством губернии свидетельствует о непростых отношениях гражданских властей и тюремных начальников из-за привлечения польских арестантов к общественным работам.

Владимирский городской голова в июле 1864 г. жаловался во Владимирское губернское правление, что арестанты на работу являются в седьмом часу утра, в 8 часов завтракают целый час, в 10–11 часов уходят в роту и являются на работы в третьем часу дня. В 5 часов уходят с работы.

В сутки работали они менее 5 часов. Кроме того, работали крайне недобросовестно, «с страшной ленью и неохотою». Конвойные их заставляли, но они отвечали смехом и портили инструменты. В связи с таким положением дел Владимирская городская дума сообщила командиру Владимирской арестантской роты, чтобы он арестантов на работы не высылал [Там же, Лл. 81–81об].

Для начальника арестантской роты такое решение владимирских властей было равносильно упреку в недобросовестном выполнении им его обязанностей. Он попытался в своём рапорте во Владимирское губернское правление оправдаться: арестанты приходят на работы не позже 5 часов утра, работают до вечера, надзор хороший, почему городской голова нашел работы неудовлетворительными – не знает [Там же, Л. 82].

Однако факты говорили о следующем: в течение ноября 1864 г. 266 арестантов выработали 2 р. 31 коп., в январе 201 арестант – 5 р. 46 коп. Вывод: сидели без занятий! [Там же, Л. 145].

От министра внутренних дел П.А. Валуева губернскому начальству вновь поступает распоряжение занять арестантов работами, ибо «нравственному исправлению арестантов преимущественно способствует непрерывное занятие их работой» [Там же, Л. 195].

Было рекомендовано также озаботиться развитием ремёсел в роте и обучать им арестантов. Однако и в 1865 г. выработка арестантов оставалась низкой – каждый заработал около 10 коп. в месяц.

Начальник владимирской арестантской роты вскоре признал, что крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, получают 20–30 копеек и гораздо усерднее работают. Арестанты из поли-

тических и не хотят (ленятся) и не могут работать – оказываются «малосильными, не способными к земляным и другим тяжким работам». Частные лица их нанимают с большой неохотой. Ремёслами же польские арестанты не владеют или скрывают, что умеют делать, в отличие от русских заключённых, среди которых были кузнецы, бондари, слесари, сапожники. Поэтому политические «остаются праздными» [3, Лл. 282–284].

Полная изоляция осужденных повстанцев была невозможна несмотря на то, что их содержали в отдельном каменном корпусе арестантской роты. По городу сразу разлетелся слух о поступлении партии польских мятежников. С особым смешанным чувством восхищения, интереса и интриги встретили их владимирские гимназисты. К зданию на краю города, где размещались польские мятежники, стекалась незаметно молодёжь. Любопытные и сочувствующие часами просиживали в кустах, прислушиваясь к непонятной речи, доносящейся из окон [2].

Польским арестантам приходили письма с родины, от семей и соратников по борьбе, и тогда «весь замок пел революционные песни». Владимирская молодёжь им жадно внимала, восхищалась непримиримости и стойкости поляков.

Опыт исправления политических мятежников через арестантские роты не принёс положительного результата. Более того, его не могло быть. Подавляя восстание 1863 г. в Царстве Польском, власть впервые столкнулась с политической оппозицией такой силы и масштаба, вынуждена была ввести санкции против большого количества политических преступников.

Польские мятежники имели ряд льгот в условиях содержания (питание, книги, письма, внешний вид) и позволяли активно проявлять неприятие условий заключения – отказываться от внешних и внутренних работ, демонстрировать приверженность национально-политической борьбе, ультимативно-сепаратистское поведение и презрение российским и местным властям. Сильное групповое этническое сознание, групповая солидарность, твёрдость в убеждениях отличали этих арестантов.

Находясь в тюремных стенах, польские мятежники, как им казалось, продолжали вести свою борьбу с царским правительством доступными в этих условиях средствами. Ни о каком исправлении речи быть не могло. Наоборот, проявился обратный эффект: своим пребыванием в арестантских ротах внутренних губерний России польские повстанцы ещё больше усиливали радикальные настроения молодёжи, придавая романтический флёр вооружённому сопротивлению властям и героизируя политическую преступность.

По истечении сроков заключения в арестантских ротах пленные мятежники по усмотрению правительства или возвращались на родину или отсылались на водворение во внутренние губернии России под надзор полиции [4, Лл. 3-3 об]. Однако при любом исходе они несли с собой всё тот же запал борьбы с государством, чем вызывали сочувствие среди местного населения. Такая диффузия (расползание) протестных настроений по стране способствовала радикализации общественного сознания. Частично вина за это лежала на российской власти, на её политике «либерального заигрывания» с польской оппозицией.

Литература

1. Владимирский централ / Т.Г. Галаншина, И.В. Закурдаев, С.Н. Логинова. М.: ЭКСМО, 2007.
2. Военно-судная комиссия для польских мятежников в гор. Владимир (1863–1864 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/s/37-1-0-5379?ysclid=lnakvd4hgy408672356> (дата обращения: 07.09.2023).
3. Государственный архив Владимирской области, Фонд 455 Владимирская губернская строительная и дорожная комиссия. Оп.1, ед.хр.603 О производстве строительных и ремонтных работ польскими повстанцами, содержащимися во Владимирской арестантской роте, нач. 3 декабря 1863-15 марта 1868
4. Государственный архив Владимирской области, Фонд 455 Владимирская губернская строительная и дорожная комиссия. Оп. 1, ед. хр. 604 Переписка с Главным управляющим путями сообщений и публичными зданиями о порядке помещения во Владимирскую арестантскую роту гражданского ведомства польских повстанцев, 13 июля 1863 г.
5. Государственный архив Владимирской области, Фонд 455 Владимирская губернская строительная и дорожная комиссия. Оп. 1, ед. хр. 617 О назначении в арестантскую роту гражданского ведомства 28 человек дворян польских повстанцев, нач. 2011. 1863, конч. 4. янв. 1864.

6. Государственный архив Владимирской области, Фонд 455 Владимирская губернская строительная и дорожная комиссия. Оп. 1, ед. хр. 619 О поступлении партии польских повстанцев в числе 181 человека во Владимирскую арестантскую роту. 1863–1864.

7. Ерин Д.А. Владимирская арестантская рота гражданского ведомства в системе исполнения наказаний Российской империи в конце 30-х –40-х гг. XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2(3). С. 233–235.

8. Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 г. в Западносибирской ссылке: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2005.

9. Рубцов Д.И. Организационные и правовые аспекты функционирования Владимирской арестантской роты гражданского ведомства // Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность: история и современность: сб. науч. тр. Владимир: Изд-во Владимир. юридич. ин-та Федеральной службы исполнения наказаний, 2015. С. 134–139.

10. Рубцов Д.И., Горбунова М.М. Становление и развитие системы мест лишения свободы во Владимирской губернии в XIX – начале XX в. // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 6(205). С. 71–77.